

Глава 12. Меч Влекущий Тень (Часть 4)

Спустившись по лестнице, Шэнь Цинчжоу застал Чэнь Линьэр у стола: она сидела, вальяжно закинув ногу на ногу, а Сюй Юйфань угодливо суетился вокруг, подливая ей чай.

Цинчжоу негромко кашлянул.

Старейшина Чэнь тут же опустила ногу и торопливо выпрямилась.

— Глава терема Шэнь.

— Шестой старейшина.

Они сели друг против друга. Сюй Юньянь, увлекаемая за собой Сяо Ци и брата, поспешила удалиться, хотя напоследок Юйфань ухитрился ловким движением пододвинуть Цинчжоу пиалу.

Прикоснувшись к изящной фарфоровой чашечке, расписанной кобальтовой глазурью, Цинчжоу почувствовал холод — чай давно остыл. Он мельком взглянул на поднимающийся над пиалой старейшины легкий парок, но промолчал.

— Кое-какие зацепки по твоему прошлому уговору мне отыскать удалось, — без лишних предисловий начала Чэнь Линьэр. — Но, не зная наверняка, что именно тебя интересует, я собрала воедино все сведения.

С этими словами она протянула Цинчжоу стопку исписанных убористым почерком листов. На самом верхнем чернила еще поблескивали влагой — видать, старейшина Чэнь спешила в Терем Черной Птицы прямо из своего кабинета, едва закончив записи.

— Благодарю вас, Шестой старейшина. Вы взяли на себя столько хлопот, — Цинчжоу вежливо приподнялся, принимая бумаги обеими руками.

Он не стал сразу углубляться в чтение, лишь бегло просмотрел первые строки, отложил стопку в сторону и прижал ее тяжелым сандаловым прессом с вырезанным на нем узором Черной Черепахи.

— На днях ко мне попал брусок павловнии, говорят, редчайшего качества, — с мягкой улыбкой предложил Цинчжоу. — Сам я в древесине смыслю мало, не согласитесь ли вы взглянуть и оценить его?

Павловния исстари шла на изготовление лучших циней. Будучи страстной ценительницей музыки, Чэнь Линьэр владела яшмовой цитрой в качестве духовного оружия, и скрытый намек

Цинчжоу был предельно ясен: это подношение предназначалось ей в знак признательности.

Старейшина Чэнь, впрочем, отказалась без утайки:

— Подобных подношений мне и без того хватает, — она поставила чашку и небрежным кивком указала на выход из терема. — А вот рыбки в твоём пруду у входа больно хороши.

Цинчжоу мгновенно уловил её желание:

— Если они вам по душе, забирайте любых. Будет мне в радость сделать вам скромный подарок.

Пруд у боковой двери Терема Черной Птицы выкопали по приказу главы семьи, и Цинчжоу сам выбирал для него мальков. Чтобы уберечь беззащитную рыбешку от прожорливых окрестных кошек, собак да лисиц, приходилось держать наготове горсти черной гальки, да и сил на их охрану уходило немало.

Сам Цинчжоу не питал особой нежности к бессловесным созданиям, без устали виляющим хвостами, но ухаживал за ними исправно. Теперь же, глядя на пеструю стайку в прозрачной воде, он и сам чувствовал, как теплеет на душе.

Несколько раз глава семьи приходил поглядеть на пруд. Бросив горсть корма, он с изумлением обнаружил, что невзрачные серые рыбешки под присмотром Шэнь Цинчжоу сделались чистыми, будто из горного хрусталя вырезанными. Даже еду они делили чинно и благородно, а насытившись, сдержанно поводили плавниками и деликатно пускали крохотные пузыри.

Если же у берега собиралась толпа поглазеть на чудо, карпы выстраивались в ровные косяки, кружась в причудливом танце. Их пестрая чешуя переливалась на солнце, а шелковистые хвосты колыхались столь изящно, что зрители взрывались восторженными рукоплесканиями.

Тогда старик Цинь долго молча глядел на преобразившихся рыб, не зная, что и думать.

А глубокой ночью Цинь Жуй внезапно сел в постели, ошарашенно качая головой:

«Да как же младший брат умудрился так выдрессировать обычных карасей?»

Пусть мальков и купили на личные сбережения главы, все в поместье признавали этих диковинных созданий собственностью Цинчжоу. Услышав просьбу старейшины, он согласился без малейших колебаний.

Подойдя к воде, он жестом предложил госте выбрать любую рыбу.

Обширные познания Чэнь Линьэр простирались и на водную фауну: едва скользнув взглядом по водной глади, она без труда определила породу, возраст и здоровье каждой особи, безошибочно выделив взглядом редчайших парчовых карпов.

Однако, понимая, сколько сил ушло у Цинчжоу на их возвращение, она сочла нескромным забирать лучшее и лишь указала на три-четыре рыбины хорошего, но не исключительного качества.

Цинчжоу собрался было подыскать подходящий сосуд, но старейшина жестом остановила его.

Сложив пальцы в заклинание управления водой, она высвободила струйку духовной силы, заставив ее вспыхнуть на кончиках пальцев, и из пруда медленно поднялась идеально круглая водяная сфера.

Внутри нее, мерно шевеля плавниками, плавали выбранные карпы.

Они удивленно уставились на мир и дружно выпустили по воздушному пузырю.

Как только Чэнь Линьэр удалилась, бережно неся водяную сферу перед собой, из глубины терема показалась Сюй Юньянь в сопровождении брата и Сяо Ци.

— Дядюшка Куньюй, это заклинание воды просто невероятное! Я тоже хочу ему научиться! — загорелся Сяо Ци, дергая Цинчжоу за край одеяния.

Цинчжоу тепло улыбнулся и ласково потрепал мальчишку по макушке:

— Каким бы простым ни казалось чародейство, оно требует хотя бы поздней ступени очищения эссенции и обращения ее в ци. Без этого воду не обуздать.

— О-о-о... — Сяо Ци тут же поник, растеряв весь свой пыл.

— Дело касательно Меча Влекущего Тень не терпит отлагательств. Мне нужно немедленно повидаться с главой семьи, так что оставляю Терем Черной Птицы на вас, — Цинчжоу подошел к столу, взял прислоненное к углу оружие и направился к выходу, но на полпути замер и обернулся. — Жуньфэн, сделай милость, найди мне парочку детских сказок или повестей. Главное, чтобы они были занимательными и написаны простым слогом.

— Будет сделано, глава терема. К какому сроку они нужны?

— К сегодняшнему вечеру, если не затруднит.

— Никаких проблем, все устрою в лучшем виде! — заверила Юньянь, уверенно похлопав себя по груди, хотя в душе искренне недоумевала, зачем господину на ночь глядя понадобились детские книжки.

Цинчжоу удовлетворенно кивнул и, крепко сжимая ножны Меча Влекущего Тень, поспешил к Павильону Драгоценной Яшмы, где издавна обитали старейшины рода Цинь.

Название павильона восходило к древним строкам Песен Царства Цинь: «Дядю в путь я снаряжал, думой долгой провожал. Что вручить ему в залог? Яшму чистую у ног». Отсюда и пошло имя обители.

Впрочем, Цинь Жуй не раз вполголоса жаловался Цинчжоу, что это место стоило бы переименовать в Обитель Нищих Духом — все убранство здесь состояло сплошь из вековых реликвий, к которым не позволялось ни прикоснуться без благоговения, ни заменить их на новые. Жизнь среди этого пыльного великолепия казалась главе сущим наказанием.

У самых дверей павильона Цинчжоу чуть не столкнулся со старшей дочерью главы семьи. На лице Цинь Сыминь не отражалось ни единой эмоции.

И пусть весь ее суровый облик так и предостерегал держаться подальше, Цинчжоу сразу понял, что любимица отца чем-то глубоко опечалена.

Оглядевшись и убедившись, что поблизости нет лишних ушей, он мягко окликнул ее:

— Сыминь?

Девушка остановилась и молча посмотрела на него.

— Не в духе? — сочувственно улыбнулся Цинчжоу. — Матушка опять бранилась?

Сыминь не ответила. Она лишь упрямо поджала губы, а ее тонкие пальцы стиснули рукоять висевшего на поясе меча так сильно, что на белой коже проступили венки.

— Снова из-за наследования титула молодого главы?

Сыминь едва заметно кивнула и сердито пнула подвернувшийся под ноги камешек. Дыхание ее участилось, отчего изумрудные подвески в ушах тревожно заплесали.

Вопросов престолонаследия Цинчжоу всегда избегал как чумы, а потому не стал расспрашивать дальше, лишь примиряюще произнес:

— Ну полно тебе, Сыминь, не грусти. Вот выкрою свободный денек и обязательно возьму тебя с собой на охоту, идет?

Она подняла на него взгляд, и напряжение на ее лице немного спало. Подумав мгновение, она все же покачала головой.

— И Тяньцэ с собой позовем, — проявил безграничное терпение Цинчжоу.

Цинь Тяньцэ принадлежал к боковой ветви клана, отчего в его имени и не было родового слога «Сы». Сын прежнего главы Зала Подвешенного Зеркала — приемного отца сирот Сюй — уродился сильным как бык, но обделенным умом. Впрочем, скудоумие сочеталось в нем с редкой душевной чистотой, и Сыминь была к нему искренне привязана.

Девушка медленно моргнула темными, как ночная мгла, глазами и наконец едва заметно кивнула.

Цинчжоу невольно улыбнулся. И пускай она не проронила ни слова, ее плечи заметно расслабились — обида понемногу отпускала девичье сердце.

Внезапно Сыминь ухватила его за рукав халата и приоткрыла рот, силясь что-то сказать, но из ее горла не вылетело ни звука. На бледных щеках выступил едва заметный румянец, выдавая крайнее смущение.

Цинчжоу ждал, его взгляд сделался еще теплее.

—... Меч.

Цинчжоу понимающе усмехнулся и без тени сомнения протянул ей оружие:

— Нравится?

На сей раз ответ последовал без промедления:

— Да. Добрый клинок. Красивый.

Она бережно, словно хрупкую драгоценность, приняла меч и принялась рассматривать его со всех сторон, светясь от восторга. Если бы Цинчжоу вовремя не уперся пальцем ей в лоб, она бы уткнулась носом прямо в смертоносную сталь.

— Я к твоему отцу. Он у себя?

Сыминь бросила короткий взгляд на двери павильона и тут же вернулась к ласканию клинка.

«Стало быть, на месте», — рассудил Цинчжоу.

— Как раз об этом мече я и хотел потолковать с главой семьи. Пойдем внутрь.

И, увлекая за собой восхищенную племянницу, он переступил порог павильона.

Вскоре Меч Влекущий Тень уже покоился на массивном столе во внутренних покоях. Все трое застыли подле него.

Пока Сыминь пожирала сталь голодным взором, Цинчжоу решил расспросить хозяина дома о житье-бытье.

— А где же супруга ваша?

— В соседних покоях пар выпускает, — вздохнул Цинь Жуй.

— Опять повздорили?

— Ну что ты, разве дела супружеские приличествует звать раздором?..

— И на сей раз из-за чего?

— Все о том же: спит и видит Сыминь во главе рода.

Едва разговор коснулся наследных распрей, Цинчжоу благоразумно замолчал и перевел беседу в иное русло. Он подробно поведал главе о находке меча и странном отклике его собственной крови, умолчав лишь об одном — о призрачных видениях прошлого, где подле Первого Императора и Великого Юя стояли юноши, как две капли воды похожие на него самого.

— Ну и девка! Ох и Жуньфэн! — покачал головой старик Цинь, искренне восхищаясь. — О ее везении не зря легенды ходят.

Цинчжоу хотел было вставить слово, как Сыминь внезапно негромко произнесла:

— Потоп Реки Хуай.

Цинь Жуй удивленно воззрился на дочь:

— Что?

— Сыминь имеет в виду... когда Желтая река потекла вспять и поглотила русло Реки Хуай? — догадался Цинчжоу.

— Верно, — тут же подхватил Цинь Жуй, погружаясь в раздумья. — С тысяча четыреста пятнадцатого по две тысячи семьдесят девятый год по летоисчислению Великих Предков Желтая река четырежды меняла свое русло, пока наконец не хлынула к морю через владения Реки Хуай.

— Похоже, этот клинок отдали на хранение в наш род именно после тех событий, — Цинчжоу тщательно взвешивал каждое слово, мысленно возвращаясь к смутным картинам своего видения. — Изменение течения вод наверняка лишило прежней силы здешнего бога реки, и нужда в священном затворе отпала. Но к чему этой загадочной деве понадобилось преодолевать тысячи ли, чтобы доставить оружие на Одиннадцать островов Пэнлай?

Цинь Жуй едва заметно помрачнел — он явно что-то знал, но лишь отмахнулся:

— Кто ж разберет дела минувших дней. Должно быть, связывала их с нашей семьей крепкая дружба.

Цинчжоу бросил на него короткий взгляд, и он, обычно кроткий, на долю секунды посмотрел с ледяной пронзительностью.

Словно клинок рассек ночную тьму и тут же скрылся в ножнах — когда он отвел взор, его лицо вновь дышало смирением и покоем.

«Опять утаивает правду, — отметил про себя юноша. — Очевидно, до этих тайн я еще не дорос, и допытываться бессмысленно»

Цинь Жуй поежился и принялся растирать плечи. С чего бы вдруг его пробрал такой озноб? На дворе стояло теплое бабье лето, едва минуло Белое предзимье.

Пока старик недоумевал, Цинчжоу успел полностью совладать со своими чувствами.

— Всему тому минуло без малого два века, свидетели давно обратились в прах. Куда разумнее заняться делами насущными.

— Насущными? — встрепенулся глава. — И что же стряслось?

— Хотя бы вопрос о том, кому достанется этот клинок...

— Что-о? — вытаращил глаза старик. — Да ведь это сам Меч Влекущий Тень! Неужто ты готов отказаться от такого сокровища?

Цинчжоу растерялся:

— Что?..

— Полноте, я совсем о другом, — поспешил объясниться Цинчжоу. — Посудите сами: Сыминь уже достигла вершины очищения эссенции. Пройдет года три, и она шагнет на ступень обращения ци в дух. Ей понадобится священное оружие судьбы. Моя племянница рождена с душой воина и так тянется к этому мечу... Не лучше ли отдать его...

— Ни в коем разе!

Цинь Жуй властным жестом оборвал его речь. На его добродушном лице проступила редкая суровость.

— Этот меч завещан нашему роду, его веками оберегали хранители сокровищницы. Девчушка Сюй лишь помогла извлечь его на свет, но признал он тебя, пробудившись от твоей крови. С какой стати мы станем отдавать его Сыминь?

Сыминь с самым серьезным видом согласно кивнула. С трудом оторвав тоскующий взгляд от дивных ножен, она решительно пододвинула меч ближе к Цинчжоу и спрятала руки за спину.

— Но брат мой...

— И слушать ничего не желаю, — Цинь Жуй взял оружие со стола и лично вложил его в ладони юноши. — Я знаю, как сильно ты печешься о младших, Куньюй, но не забывай: ты — прямой ученик моего покойного отца и названный брат мне, главе клана.

Цинчжоу машинально сжал пальцы на рукояти. В миг прикосновения ему почудился ликующий звон священной стали, эхом отозвавшийся в самом его естестве.

— Владей им по праву. Коли древнее оружие признало тебя, значит, такова судьба, — Цинь Жуй ободряюще похлопал его по плечу. Твердый, уверенный голос старейшины пролился на душу Цинчжоу целительным бальзамом. — А если кто-то из управителей посмеет поднять ропот, отправляй их прямиком ко мне!

Обычно сдержанный и невозмутимый, Цинчжоу не сумел совладать с нахлынувшими чувствами. Он поспешно опустил взгляд, силясь скрыть предательскую влагу, затуманившую взор.

Сделав глубокий вдох, он склонился в глубоком, почтительном поклоне:

— Цинчжоу благодарит главу рода.

<http://bllate.org/book/18428/1786565>